

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ

В гармонии с природой, или философия в жизни семьи Диденко

О.Н. Диденко с дочерьми

П.И. Диденко с младшим внуком

Дочери Ольги Николаевны и Павла Ильича – Анна и Александра

Марина ПРИПИСНОВА

Иммануил Кант утверждал, что идеальная супружеская пара образует некую единую моральную личность, чьи взгляды и установки, требования и запреты полностью совпадают. Возможно ли такое в реальности, и как найти половинку, подобную себе?

Почти 35 лет назад Диденко Павел Ильич (ныне – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ВолГУ) и Ольга Николаевна (кандидат философских наук, доцент кафедры философии, председатель профсоюзного комитета ВолГУ) решили, что общая профессия – философ – не станет препятствием для совместной жизни в радости, любви и взаимопонимании.

О.Н.: Как-то по пути с работы одна из коллег сказала: «Повезло Вам: у Вас муж философ». «В чем же повезло?» – спросила я. «Вы с ним дома можете о философии говорить». «Ну вот еще, – подумала я, – делать мне больше нечего, у меня и без философии есть о чем поговорить...»

О традициях философов МГУ

П.И.: Познакомились мы в очень давние времена, если меня не подводит память, это были дни, когда вся страна отмечала 70-летие со дня рождения Генерального секретаря ЦК КПСС «дорогого товарища Леонида Ильича Брежнева». Были мы (во всяком случае, Ольга Николаевна) молодые люди, а сейчас потихоньку подбираемся (я, по крайней мере) к генсековскому возрасту. Встретиться нам было немудрено, ибо мы жили на одном этаже студенческого общежития МГУ. Я учился на третьем курсе философского факультета, она – на первом. Надо заметить, внутрифакультетские студенческие браки у философов были распространены, если не сказать массовым, явлением. Возможно, сказывалось родство духовных структур, а может быть, это была просто мода. Я мог бы назвать имена многих маститых ныне ученых-гуманитариев (иные стали академиками) и довольно известных общественных деятелей – выпускников факультета, которые отдали дань этой странной матричной традиции, но не стану этого делать, потому что в большинстве случаев их юношеские студенческие браки распались. В этом отношении мы с Ольгой Николаевной представляем довольно редкое явление (о чем и приходится слышать всякий раз на встрече выпускников). В чем причина долговечности нашего союза? Может быть, в том, что мы так и не стали крупными философами. Так или иначе, через год после брежневских торжеств мы поженились, а еще через год родилась старшая дочка.

О.Н.: Жили мы на разных этажах. Я на пятом. Но в комнате у Павла Ильича жил наш однокурсник, которого я с подружкой пришла проведать, когда он болен. Так и познакомились. А факультетских браков и вправду было много, особенно на курсе Павла Ильича. И дети у всех рождались либо весной, либо осенью.

П.И.: В Ольге Николаевне меня весьма привлек уравновешенный, терпимый к недостаткам ближних, уживчивый, не капризный и ни в коем случае не скандальный характер. «С высоты жизненного опыта» скажу, что это немалое достоинство. По натуре она оптимист и достаточно сильный духом человек, не теряет и «не вешает нос» в трудную минуту. В молодости это было

особенно заметно, и мне это нравилось. Вероятно, по контрасту. Вообще наши отношения развивались где-то по Шекспиру: «Она его за муки полюбила, а он ее за состраданье к ним».

О.Н.: Вначале он меня немало удивлял. Один пример: в комнате общежития, где жил Павел Ильич, я никогда не видела ни его, ни его друзей с книжками. Потрясением было, когда я узнала, что все они отличники. С первого дня мы везде были вместе: ходили в кино, на футбол, на все факультетские мероприятия (а тогда главными были субботники – страна готовилась к Олимпиаде-80). И еще: очень подкупало трепетное, бережное отношение ко мне. Я почувствовала главное: это очень надежный человек. И дальнейшая семейная жизнь только укрепила меня в этом чувстве. В общем, как пела Анна Герман: «Поверила, поверила, и больше ничего».

Другой Диденко, или одна голова хорошо, а две лучше

П.И.: В 1980 году я защитил диплом, сдал экзамены в аспирантуру, но приказ о зачислении выпускали долго. И я уехал домой, в Волгоград. В этом году открыли Волгоградский государственный университет и меня приняли на работу. Через месяц пришел приказ о зачислении в аспирантуру. Снова в ВолГУ я пришел работать в 1996 году.

О.Н.: В 1982 году после окончания университета я по распределению оказалась в ВолГУ, причем в качестве социолога. На работу меня принимали В.Ф. Ардельянова и Р.Л. Ковалевский. Причем Ростислав Леонидович очень удивился и сказал: «А должен быть другой Диденко». В тот год только образовалась кафедра философии. На первом заседании присутствовали С.Э. Крапивенский, В.В. Аносова, Н.В. Омельченко и я, но нагрузку пришлось распределить на троих, так как 15 сентября я ушла в декрет. Наша вторая дочь родилась в Международный день студента, 17 ноября. И это для нас с супругом символично, так как все это время мы работаем со студентами.

П.И.: Семья никогда не мешала моему профессиональному росту. Если рост оказался скромным, то причины здесь совсем другие. Что касается Ольги Николаевны, то, кажется, да: что-то было отнято от науки (время, главным образом, которое тратилось на воспитание детей). Возможно, на научно-исследовательской стезе она могла бы добиться и большего. Впрочем, это уже история, а история, как известно, не терпит сослагательногоклонения.

О.Н.: Согласна. Скорее, семья стимулирует: четко понимаешь, для чего ты живешь и работаешь.

П.И.: А работа в одной организации в данный момент вообще помогает семейному союзу. Как известно, одна голова хорошо, а две лучше. Кроме того, надо брать во внимание и качество самой организации, в которой мы работаем: вряд ли где-то в городе дело философии поставлено лучше, чем в ВолГУ. Поэтому работа в разных местах в нашем случае – заведомо непредпочтительный вариант.

О.Н.: Учитывая специфику моей основной работы, нам нельзя работать порознь: всегда есть кому провести занятия во время моих командировок. А зная отношение Павла Ильича к делу, уверена: халтуры не будет!

Быт не заел

П.И.: Бытовые трудности, конечно, были. Они и остаются, хотя по большей части в других отношениях, чем раньше. И трудности, конечно,

всегда составляют большее или меньшее испытание для семейной жизни. И все же думаю, что эти трудности пошли нам на пользу. Если материальных забот вообще нет никаких, то возникает опасность ситуации, которую в народе описывают словами «с жиру бесятся». А она не способствует крепости семейных уз.

О.Н.: Мне представляется, что нашу семью трудности только закаляли. Мы многое пережили вместе и в трудные моменты (тяжелая операция у дочери в седьмом классе, моя травма в 2008 году). Именно в это время мы как никогда чувствовали себя единым целым.

П.И.: И все в нашей семье равны. Однако, как заметил один писатель, если все равны, то кто-то равнее других. Неформальный лидер все же Ольга Николаевна.

О личном и общественном

П.И.: Если говорить о настоящем периоде времени, то отнимать у меня время от любимых занятий могут только внуки. Быть нянкой при них, конечно, «в интересах семьи». Однако на самом деле общение в такие часы с ними – радость не меньшая, чем чтение книг или, скажем, рыбалка. В действительности я ничем тут не жертвую.

О.Н.: Я не знаю, хорошо это или плохо, но для меня личное, семейное и общественное так причудливо переплелись, что не ясно, где кончается одно и начинается другое.

Жизнь в духе гуманизма

П.И.: Память о родительской семье и вообще о детстве у меня, как практически и у всех моих сверстников, самая светлая. Детство наше пришлось на, пожалуй, самый благополучный период в истории страны XX века. Детей не баловали, но отношение к нам было гуманное и доброе. В этой доброте проявилось удивительное великодушие старших, которые сами росли и начинали взрослую жизнь в совсем других – трудных, жестких условиях и видели много страшного. Человечность сильных, мужественных людей сама по себе несла мощный воспитательный эффект. Именно поколение наших отцов заложило ту гуманистическую традицию семейного воспитания, которая, будем надеяться, жива до сих пор.

О.Н.: Мы воспитывались в хороших традиционных семьях, где всегда ценились авторитет отца, уважительное отношение к старшим, интересы детей. У нас две дочери, которые закончили ВолГУ (старший зять тоже, кстати, выпускник юридического факультета). Я иногда шучу: юрист и программист родительско-философов в старости прокормят. Уже двое внуков и внучка, которые, к нашему сожалению, живут в Москве. Мы с 1984 года жили с родителями мужа. И хотя за эти годы случалось всякое, старались сохранять главное – нашу большую семью, в которой жили вместе три поколения. Сейчас, когда из старшего поколения осталась только бабушка, мама Павла Ильича, это особенно важно. В прошлом году Лидии Алексеевне исполнилось 80 лет, и на юбилей собрались все дети, внуки и правнуки, что для нее было главным подарком.

П.И.: Поэтому и ценностные ориентиры за годы брака не меняются. У меня простые, традиционные представления о семье. И сложились они не столько теоретически, сколько практически. Смысл семьи – в детях, теперь можно сказать – и во внуках. Поэтому семья – это то, что устремлено в будущее, а в этом смысле и определяется будущим, не только настоящим. Это надежда, это вера в новое, в молодых, в

потомков. Ни к каким более оригинальным представлениям об этом предмете я за 30 с лишним лет практического знакомства с ним не пришел.

О.Н.: Я соглашусь с Павлом Ильичом. То представление о семье, которое было сформировано родителями, только укрепляется, когда я вижу, как живут наши дети.

П.И.: Хотя это может показаться слишком грубой истиной, но модель счастливой семьи строится прежде всего на практических, реальных и общественно значимых ценностях. Должно быть налицо общее дело, в которое всеерьез, без дураков, вовлечены обе половины. Строить дом, копить деньги на иномарку, делать революцию, судиться с соседями по коммуналке или, что чаще, растить детей – непростое дело, в котором практическая энергия двоих сливается в одно русло, необходимо для существования семьи. На этой основе обычно возникает очень прочная солидарность, для которой народная мудрость нашла формулу: «Муж и жена одна сатана». А если такой реальный базис супружеского взаимопонимания отсутствует, то, в конце концов, будет только скука, и никакие нежные чувства и прочие «мерехлюндии», как сказал бы Маяковский, от нее не избавят.

Если хочешь быть счастливым, будь им!

П.И.: Как учит этика с древних времен, счастье принудить невозможно. Оно не столько создается нашими сознательными, целесообразными усилиями, сколько приходит, «подваливает» к нам независимо от наших расчетов и хлопот как удача, дар обстоятельств. Но, понятно, под лежащий камень вода не течет. А вообще семья, дом, дети – это уже в некотором роде счастье. Если хочешь быть счастливым, будь им. Я думаю, что лад и согласие в семье – дело наживное. Хотя надо помнить и о том, что сохранение брачных уз не может являться самоцелью. Не стоит забывать, что с исторической точки зрения право на развод есть завоевание демократии. И все же люди обычно склонны уважительно относиться к долгим бракам. Почему это так? В основе таких эпических форм союза сердец лежит привычка к совместному проживанию, а значит, и к более-менее нормальному, «человеческому» (как сказал бы Л. Фейербах) отношению к ближнему. Нечто моральное, «человеческое» становится привычкой, чем-то таким же естественным, как глоток воздуха или воды. И это великая вещь. Собственной горю, это момент достижения культуры своей заветной цели, идеала. Ведь привычка – это не что иное, как возвращение цивилизации в природу, восстановление гармонии с природой. Руководствоваться в общении одними законами права или даже абстрактной морали для людей мало. Они сознательно или бессознательно стремятся к большему – к тому, чтобы разумное содержание их общественных связей перестало быть абстракцией, обрело плоть и кровь, стало второй природой. Гегель это называл переходом морали к нравственности. И долголетние семьи – это, как правило, явления уже не голой морали (и права), а нравственности (в гегелевском смысле). Создает их именно привычка (которой уже Аристотель отводил важнейшую роль в воспитании и формировании истинно человеческих отношений). Таким образом, чтобы брак был прочным, нужно для начала привыкнуть друг к другу. «Стерпится – слюбится». И у многих это получается.